

В.В. Морковкин

vavemor@yandex.ru

д-р филол. наук, профессор,
начальник отдела учебной лексикографии
Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

О лексической полисемии

Многозначность, многозначное слово, семантическая структура слова, семантическая деривация, семантический формант, словообразовательный формант, эпидигматическое гнездо.

В статье рассматривается широкий круг вопросов, связанных с лексической многозначностью как объектом теоретического изучения и словарного предъявления (генезис лексической многозначности; лексическая многозначность как продукт семантической деривации; многозначность в семасиологическом и ономазиологическом аспектах; факторы, определяющие сложность лексикографирования лексической многозначности; способы обнаружения лексической многозначности в объяснительных словарях и др.).

Лексическая многозначность свойственна всем естественным языкам, в чем легко убедиться, открыв объяснительный словарь любого языка. Это обстоятельство, с одной стороны, дает основание рассматривать лексическую многозначность как языковую универсалию, а с другой, — делает не абсурдным предположение о том, что импульс к ее появлению и развитию исходит не от языка, точнее не только от языка. Существенную, если не определяющую роль в сообщении словам содержательной неоднородности играет весь ментально-лингвальный комплекс человека.

Ментально-лингвальным комплексом (МЛК) я называю «функционирующую на основе человеческого мозга самоорганизующуюся информационную систему, которая обеспечивает восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование, порождение и передачу информации» [8: 664]. Эта система представляет собой ипостасное единство трех базовых сущностей интеллектуальной деятельности человека, а именно его мышления, сознания и языка. При этом

мышление — не что иное, как постоянно протекающий в мозгу процесс мыслепорождения, основанный на обработке и преобразовании поступающей информации. Для того чтобы мышление стало возможным, МЛК должен располагать инструментом, обеспечивающим расчленение потока поступающей информации на определенные отрезки, в манипулировании которыми, как отмечал Т. Гоббс, оно и заключается. В качестве такого инструмента как раз и выступает язык. Иначе говоря, главная функция языка по отношению к мышлению состоит в представлении упомянутого информационного потока в виде совокупности информационных отдельных частей, соответствующих отдельностям окружающего реального или воображаемого мира. Сознание, в свою очередь, представляет собой накопительно-оценочную составляющую МЛК. Оно осуществляет запечатление, хранение, систематизацию и оценку результатов когнитивной деятельности человека. Информационные отдельные части, в которые преобразуются поступающие в МЛК сведения, суть инфор-

мы, т.е. устойчивые информационные целостности, отличные от других имеющихся в МЛК устойчивых информационных целостностей. Одно из характерных свойств любой информемы — векторность, проявляющаяся в стремлении к самообнаружению посредством означивания и превращении таким образом в двустороннюю языковую единицу. Если информема уже проходила через этот процесс, то имеет место непервичное означивание, состоящее в поиске информемой уже присвоенного ей означающего. Если же через указанный процесс она проходит впервые, то имеет место первичное означивание. Оно состоит в создании подходящего означающего и установлении между ним и информемой ассоциативной связи по смежности.

Таким образом, отправной точкой в процессе образования новой номинативной единицы является появление в МЛК информемы, не имеющей внешнего звукового выражения, т.е. имени. Когда языковая личность оказывается перед необходимостью назначить имя для безымянного доселе содержания (информемы), т.е. перед необходимостью совершить акт номинации, МЛК тут же предлагает ей несколько типовых способов решения этой ономазиологической проблемы. В русском языке к числу таких способов относится образование нового имени с помощью механизма малого синтаксиса, с помощью словообразования, с помощью внешнего заимствования и посредством семантического словопроизводства. Синтаксический способ номинации предполагает обозначение требующей имени информемы с помощью словосочетания, функционирующего в качестве расчлененной (неоднословной) лексической единицы, например, *газовый баллончик, горячая точка, полевой командир, малый бизнес, генная инженерия* и т.п. В пределах словообразования новые слова создаются посредством определенных деривационных преобразований производящих лексических единиц, например, *экстремал* (< экстремальный), *вагон/чик* (< вагон), *горбачев/щин/(а)* (< Горбачев), *откат* (< откатить), *един•о•росс* (< Единая Россия), *пол/пред* (< полномочный представитель) и т.п. Примером иноязычных заим-

ствований могут служить такие лексические единицы, как *дефиле* (< фр. *défilé*), *мюсли* (< нем. *Müsli*), *омбудсман/омбудсмен* (< швед. *ombudsman*), *ноутбук* (< англ. *notebook*), *пентхаус* (< англ. *penthouse*) и т.п. Как видим, все 3 указанных способа ведут к образованию новых лексических единиц, характеризующихся новизной как внешней формы, так и содержания. Не так обстоит дело в случае лексико-семантической номинации (семантического словопроизводства). Здесь у производных лексических единиц новым является только план содержания, например, *челнок 2* — ‘человек, который регулярно покупает товары в одном месте и перевозит их для продажи в другое место’, ср. *В девяностые он два года был челноком: возил ширпотреб из Турции* (< челнок 1 — ‘снующая деталь ткацкого станка’), *грузить 2* — ‘обременять человека ненужной ему информацией’, ср. *Ты меня не грузи, у меня и без тебя забот полон рот* (< грузить 1 — ‘наполнять грузом’), *дурь 2* — ‘всякое наркотическое вещество для курения’, ср. *накуриться дури* (< дурь 1 — ‘вздор, чепуха’) и т.п. Лексико-семантический способ образования новых слов является наименее травматическим для лексического тела языка: он не предполагает никаких разрывов и инородных внедрений, чреватых отторжением. Обладая указанными очевидными преимуществами, семантическое словопроизводство является к тому же наиболее когнитивно нагруженным, поскольку расширение выразительных возможностей уже имеющихся слов обычно носит в его рамках прецедентный характер, т.е. происходит по моделям, отражающим многовековую практику носителей данного языка, характерные именно для них употребления, сопоставления и прочие проявления умственной неуспокоенности.

Прикрепление нового содержания к материальной оболочке уже существующего слова не только приводит к появлению новой лексико-семантической единицы, но и прямо указывает на неслучайный характер этого события. Именно появление производной лексико-семантической единицы с той же материальной оболочкой, что

и производящая по отношению к ней лексико-семантическая единица, вполне недвусмысленно свидетельствует об определенной содержательной сопряженности, соотносительности информем, выступающих в качестве их лексических значений.

Следует отметить, что сам факт соотношения одной и той же материальной оболочки с разными, но содержательно связанными между собой семантическими сущностями можно трактовать двояко в зависимости от того, рассматриваем ли мы это явление в сфере фиксации или в сфере функционирования, т.е. на уровне языка или на уровне речи. В первом случае, предполагающем использование семасиологического подхода (есть имя → определяем его семантическое разнообразие), мы должны говорить именно о многозначности слова¹, понимая под словом сомкнутую двустороннюю языковую единицу с принципиально гетерогенным планом содержания, т.е. таким, который может включать много лексических значений с тем лишь условием, что в норме любое из них прямо или опосредованно связано семантически существенным отношением хотя бы с одним другим значением. Во втором случае, предполагающем использование ономазиологического подхода (есть некая содержательная отдельность → ищем ее имя), речь должна идти уже не о значении — односторонней, а имен-

¹ Как мне уже приходилось говорить [9: 77], с точки зрения языка (дихотомия «язык — речь») все без исключения слова являются многозначными с той лишь разницей, что у одних слов она уже обнаружилась (актуальная многозначность), а у других еще не обнаружилась (потенциальная многозначность). В более общей форме это положение можно сформулировать так: всякое слово в каждый данный момент обладает большим количеством значений, чем то, которое представлено в уже состоявшихся текстах и отражено в имеющихся словарях. Ведь если говорящий употребляет слово в окказиональном значении, а слушающий его понимает, это может означать только одно: соответствующее значение уже прикровенно было у этого слова и говорящий лишь опознал его и предъявил слушающему в сильном диагностирующем контексте. Сам контекст при этом никаких значений, разумеется, не создает, он лишь проявляет и предъявляет их. Именно присущая лексическим единицам внутренняя номинативная неисчерпанность и позволяет языку (языковой личности) соразмерно отвечать на любые вызовы жизни.

но семантической единице, а о лексико-семантическом варианте — единице двусторонней, у которой есть и план выражения, и план содержания. Это означает, что при ономазиологическом подходе к рассматриваемому феномену мы имеем дело не с разными значениями одного и того же слова, а с разными словами — сомкнутыми двусторонними языковыми единицами с принципиально гомогенным планом содержания, т.е. таким, который состоит ровно из одного лексического значения. Иначе говоря, здесь перед нами уже не языковые, а речевые, или «потebníанские» слова, те самые слова, которые имели в виду А.А. Потebníя, Л.В. Щерба, Ж. Вандриес и некоторые другие ученые, когда они (каждый со своих позиций) резко и определенно протестовали против огульно понимаемой «многозначности» лексических единиц². Таким образом, при ономазиологическом подходе исследуемое явление предстает не как лексическая многозначность, а как пучок одноименных семантически связанных между собой двусторонних лексических единиц — лексико-семантических вариантов, или «потebníанских» слов.

Лингвистической основой появления лексической многозначности или, в ономазиологическом ракурсе, семейства одноименных лексико-семантических вариантов являются, во-первых, гетерогенный характер (семантическая многоэлементность) лексического значения (наличие в нем сем, относящихся к разным стратам); во-вторых, возможность частеречного переосмысления лексического

² «Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т.е. каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения. <...> Таким образом, пользуясь выражением «многозначность слова», как множеством других неточных выражений, сделаем это выражение безвредным для точности мысли, если будем знать, что на деле есть только однозначность различных слов, то есть то свойство, что различные слова могут иметь одни и те же звуки» [11: 15–16]; «Неправильно думать, что слова имеют по несколько значений: это, в сущности говоря, формальная и даже просто типографская точка зрения. На самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений» [14: 290]; «В живом языке слово в каждый данный момент имеет только одно значение» [3: 169].

значения; в-третьих, возможность выборочной актуализации отдельных сем по требованию контекста (т.е. под влиянием партнеров по словосочетанию или предложению); в-четвертых, действующий на всех уровнях языка закон аналогии (давление системы).

В живом языке лексическая многозначность неустранима в принципе. Даже если бы мы одновременно заменили все слова, соотносящиеся с разными содержаниями, совокупностями исчерпывающих их семантику однозначных лексических единиц, мы тут же стали бы свидетелями семантического ветвления последних. Неустранимость лексической многозначности объясняется тем, что она является одним из проявлений жизни языка как ипостаси МЛК. Лексическая многозначность не только обеспечивает формирование, сохранение и передачу таких семантических констелляций, члены которых, помимо объединяющих их содержательных элементов, связаны общим именем и генетическим родством, но и осуществляет трансляцию этнически особенных способов использования единого для всех людей ассоциативного аппарата.

Поскольку лексическая многозначность являет себя в многозначных словах, постольку каждое многозначное слово выступает в качестве такой идеоэтнической констелляции смыслов, сформированной носителями языка в ходе их жизнеподдерживающей деятельности и когнитивного делания. Что же это за явление — многозначное слово, и в какой степени можно считать его языковой реальностью? Ведь при ближайшем рассмотрении лингвистический статус многозначных слов представляется загадочным и противоречивым. Действительно, мы не можем употребить многозначное слово, поскольку, становясь элементом речи, оно сразу оборачивается одним из своих лексико-семантических вариантов. Характеризуясь чрезвычайной когнитивной важностью, оно, однако, практически лишено большинства существенных в лингвистическом отношении свойств, которые традиционно усматриваются у единиц лексического уровня. Так, ему невозможно приписать ни абсолютной ценности (т.е. лексического

значения), ни относительной ценности (т.е. синонимической, антонимической, паронимической активности, стилистической, эмоционально-экспрессивной и статистической определенности), ни сочетательной ценности (т.е. способности сочетаться определенным образом с определенными словами). Все эти свойства относятся не к многозначному слову в целом, а к его отдельному лексико-семантическому варианту, т.е. к конкретному «потемнианскому» слову. Именно к «потемнианскому» слову, а не к слову вообще относятся и такие существенные лингвистические характеристики, как этимология и внутренняя форма, что вполне понятно: ведь при своем рождении слово, как правило, однозначно. Поэтому этимологический экскурс сопоставляется обычно производному слову в его генетически исходном значении, а живой внутренней формой, если понимать ее как свойство лексико-семантической единицы, отражающее неслучайный характер связи между ее звучанием и значением, могут обладать все лексико-семантические варианты³.

И тем не менее многозначное слово не фантом и не лингвистическая мнимость, а вполне объективная данность. Реальное бытие многозначного слова осуществляется посредством функционирования его лексико-семантических вариантов, которые, будучи оторванными от него, становятся ущербными, семантически немотивированными единицами с произвольной связью звучания и значения. Заключенная в многозначных словах системная энергия является мощным фактором, обеспечивающим связанность и непрекращающееся развитие лексической системы.

³ Исхожу из того, что внутренняя форма лексико-семантической единицы может быть деривационной (она свойственна производной единице) и недеривационной, т.е. первообразной (она свойственна производной единице, например, *окно* < *праслав.* *oko — ‘глаз’ < *и.-е.* корень *ok — ‘смотреть’). Деривационная внутренняя форма в свою очередь разделяется на словообразовательно деривационную (например, *подоконник* < *окно*) и семантически деривационную (например, *окно* — ‘разрыв в расписании занятий’ < *окно* — ‘отверстие в стене для доступа света и воздуха’).

Применительно к каждому конкретному слову лексическая многозначность оформляется (обычно под пером лексикографа) как его семантическая структура, а упомянутый пучок лексико-семантических вариантов как образование, которое можно (воспользовавшись известным термином Д. Н. Шмелева) назвать эпидигматическим (лексосемантическим) гнездом. Таким образом, семантическая структура многозначного слова — это упорядоченная определенным образом совокупность его лексических значений⁴, а эпидигматическое (лексосемантическое) гнездо — это возглавляемая словом совокупность его лексико-семантических вариантов⁵.

Основным механизмом формирования того и другого выступает семантическая деривация. Она, как и словообразовательная деривация, трехчленна, поскольку в ней участвуют, во-первых, производящая единица; во-вторых, производная единица; в-третьих, лингвистическое средство, преобразующее первое во второе. Если в случае словообразовательной деривации таким средством является обычно материально выраженный словообразовательный формант (суффикс, префикс, интерфикс и др.), то при семантической деривации ту же функцию выполняет семантический формант, не имеющий материального выражения. Се-

мантический формант — это деривационное средство, с помощью которого на базе существующей лексической единицы и с сохранением ее фонетического облика (материальной оболочки) образуется новая (производная) лексическая единица, отличающаяся от исходной по значению. В качестве основных семантических формантов выступают широко понимаемые языковая метафора (в том числе метафорическое уподобление, метафорическое расширение, метафорическое сужение, метафорический сдвиг, метафоризация на основе функционального сходства, метафоризация посредством оживления ассоциативного признака⁶ и ряд других) и языковая метонимия (в том числе метонимизация на основе пространственной смежности, временной смежности, причинно-следственной смежности, инструментальной смежности, синекдохической смежности, конденсации и др.)⁷. Языковые метафора и метонимия представляют собой ментально-лингвальный механизм когнитивной экспансии, который обеспечивает фиксацию и первичную интерпретацию результатов постижения реального и воображаемого мира посредством прямого указания на сходство или смежность вновь установленных отдельностей и отдельностей уже установленных и поименованных⁸.

Семантическая деривация — главный, но отнюдь не единственный механизм, ответственный за усложнение семантической структуры лексических единиц. Помимо

⁴ Важно отметить, что если лексическая многозначность как таковая — факт объективный, то семантическая структура многозначного слова — принципиально конструируемый объект.

⁵ Приведенное рассуждение о соотношении лексических единиц с гомогенным и гетерогенным планом содержания позволяет сделать вывод о том, что различие между ними носит фундаментальный таксономический характер. Этот вывод нашел отражение в особой интерпретации понятия единица лексической системы. В согласии с нею «потембианское» слово (лексико-семантический вариант) предстает как простая единица лексической системы. Являясь средоточием всех лингвистически существенных свойств лексики, она обладает мощным системообразующим потенциалом и, следовательно, имплицитно всю лексическую систему. Многозначное слово, представленное как эпидигматическое гнездо, является, наряду с синонимическим рядом, антонимической парой, словообразовательным гнездом, лексико-семантической группой и т. п., составной единицей лексической системы (подробнее см. [8: 127–137]).

⁶ Следует признать недостаточно основательным расхожее суждение о том, что ассоциативные признаки, выступающие в ряде случаев основой метафорического переноса, не входят в лексическое значение производящих лексико-семантических вариантов. Это суждение обычно иллюстрируется употреблением наименований ряда животных для характеристики человека (ср. лиса, медведь, слон, осел, ворона, сойка и т. п.) [2: 64; 13: 24]. Правильнее, как мне кажется, исходить из того, что нет таких устойчивых и общезначимых ассоциаций, связанных с представлением об именуемом словом предмете или явлении, которые не входили бы в качестве сем в лексическое значение этого слова.

⁷ Подробно о моделях семантической деривации см. [6: 62–162].

⁸ Такой ментально-лингвальный механизм каждый человек получает в виде бонуса в ходе усвоения родного языка, лексический состав которого в значительной части состоит из лексико-семантических единиц, образованных с помощью этих семантических формантов.

деривационных семантических отдельностей, т.е. таких, которые связаны с другими лексическими значениями слова отношением порождения (например, значение ‘состязание, единоборство’ слова *бой*, ср. *бой боксеров*), в семантической структуре могут присутствовать и отдельности недеривационные, т.е. не связанные отношением порождения ни с одним другим значением данного слова. Основную массу недеривационных значений составляют внутриязыковые заимствования. Речь идет прежде всего о семантических отдельностях, являющихся результатом частеречного переосмысления лексических значений тех слов, от которых образовались соответствующие многозначные лексические единицы. Примером здесь могут служить такие значения того же слова *бой*, как, во-первых, ‘битье, побои’, ср. *бить смертным боем* (от значения глагола *бить* ‘наносить побои кому-л.’); во-вторых, ‘убивание животных как промысел’, ср. *гарпун для боя китов* (от значения глагола *бить* ‘убивать животных, охотясь, делая заготовку’); в-третьих, ‘качество функционирования оружия’, ср. *проверить бой пистолета* (от значения глагола *бить* ‘стрелять как-л. об оружии’); в-четвертых, ‘раскалывание, раздробление чего-л. бьющегося’, ср. *Спьяну устроил бой посуды* (от значения глагола *бить* ‘раскалывать, раздроблять что-л. бьющееся’); в-пятых, ‘производство звуков с помощью ударов по чему-л.’, ср. *Как только начнется бой барабанов, выходите на улицу* (от значения глагола *бить* ‘ударами производить звуки’). К внутриязыковым заимствованиям относятся и некоторые другие типы недеривационных лексических значений вплоть до таких, которые обязаны своим возникновением непрогнозируемым ассоциациям, основанным на каком-нибудь случайном признаке, относящемся к звуковой форме слова. Именно таково, например, значение ‘тот, чьи действия, чей поступок заслуживают похвалы’, прикрепленное к слову *молоток* по причине его созвучия со словом *молодец*, являющимся литературным носителем этого значения. Недеривационными следует признать, разумеется, и встречающиеся в семантической струк-

туре многозначных слов лексические значения, представляющие собой кальки значений иноязычных лексических единиц. Примером подобного рода семантических заимствований могут служить лексические значения ‘ложный слух’ у слова *утка* (< фр. *canard*), ‘вызывать в ком-л. сочувствие, приводить в умиление’ у слова *трогать* (< фр. *toucher*), ‘мелодраматический и обычно низкохудожественный сериал, ориентированный преимущественно на домохозяек’ у слова *мыло* (< англ. *soap, soap opera*), ‘компьютерный манипулятор’ у слова *мышь* (< англ. *mouse*), ‘функциональная часть компьютера, осуществляющая прием, хранение и предъявление информации’ у слова *память* (< англ. *memory*) и т.п.

Основные характеристики семантической структуры многозначного слова — это мера ее сложности и тип мотивированности входящих в нее значений.

Существенным, хотя и не единственным, фактором, определяющим сложность семантической структуры, является количество составляющих ее значений. С учетом этого фактора семантические структуры можно разделить на элементарные (одно значение), простые (от двух до четырех значений), сложные (от пяти до десяти значений), очень сложные (от одиннадцати до пятнадцати значений) и сверхсложные (свыше пятнадцати значений)⁹.

⁹ Количество значений устанавливается на основе данных всей совокупности имеющихся объяснительных словарей и условно считается равным тому показателю, на котором настаивает словарь, предлагающий самое дробное разбиение соответствующего содержательного комплекса. При этом в качестве отдельного значения рассматриваются не только семантические отдельности, обозначенные арабскими цифрами, но вообще все семантические филиации, сопровождаемые объяснительными текстовыми отрезками (толкованиями). Необходимость ориентации на весь наличный корпус толковых словарей связана с тем, что, как мы увидим далее, авторы лексикографических произведений даже в пределах одного и того же словаря могут пользоваться разными техниками отражения многозначности. Таким образом, если, например, у глагола *увеличиться* словарь [20] усматривает одно значение, МАС [18] — два значения, СУ [19] — три значения, а БТС [15] — десять значений, то при оценке сложности его семантической структуры следует исходить из данных именно последнего словаря.

В зависимости от типа семантической обусловленности семантические структуры многозначных слов разделяются на внутренне обусловленные (связанные) семантические структуры, внешне обусловленные (связанные) семантические структуры и семантические структуры смешанной обусловленности (связанности). **Внутренне обусловленные семантические структуры** — такие, в пределах которых все производные значения относятся к числу деривационных, т.е. связанных отношением производности с одним из других значений слова. Такова, например, семантическая структура глагола *наполнить*, в которой все производные значения (ср. *Вода наполнила ванну; Школьники наполнили актовый зал; наполнить комнату дымом; Музыка наполнила зал; Радость наполняет души; Дни наполнены трудом*) так или иначе возводятся к исходному, которое реализуется в контекстах типа *наполнить ванну водой, наполнить стакан до половины* и т.п. **Внешне обусловленные семантические структуры** — такие, в пределах которых ни одно из значений не является производным по отношению к какому-нибудь другому значению данного слова. Прежде всего речь идет, конечно, о семантических структурах, составленных из значений, которые представляют собой результат так называемой синтаксической деривации. Примером может служить семантическая структура существительного *возведение*, ср. *возведение башни* (< возвести башню), *возведение чего-л. в принцип* (< возвести что-л. в принцип), *возведение какого-л. числа в квадрат* (< возвести какое-л. число в квадрат). Наконец, **семантические структуры смешанной обусловленности** — такие, среди значений которых есть и деривационные и недеривационные. В качестве примера можно привести существительное *напряжение*, одно из значений которого образовано в результате чистой транспозиции, ср. *напряжение мышц* (< напрячь мышцы), т.е. является внешне обусловленным, а все другие относятся к числу деривационных, т.е. внутренне обусловленных, ср. *покраснеть от напряжения; финансовое напряжение; нагнетать напряжение; электрическое напряжение*.

Будучи чрезвычайно важным и в определенном смысле загадочным явлением языка, лексическая многозначность относится к числу наиболее сложных объектов лексикографирования. Сложность ее словарной интерпретации обусловлена рядом обстоятельств объективного и субъективного свойства. Среди них наиболее очевидными, как показывает лексикографическая практика, можно считать, во-первых, отсутствие общезначимых критериев установления семантического разнообразия слова; во-вторых, неочевидность (недостаточную рельефность) многих семантических сущностей, претендующих на статус отдельных значений многозначной лексической единицы; в-третьих, разное понимание того, какой должна быть мера содержательной однородности обособляемых значений; в-четвертых, разное отношение к некоторым типам производных значений (прежде всего к тем, которые являются результатом регулярных метонимических сдвигов); в-пятых, разномыслие по поводу отражения или неотражения значений, выходящих за пределы литературной нормы; в-шестых, отсутствие общезначимой договоренности в отношении частеречной гомогенности словарной статьи (т.е. по поводу интерпретации функциональной омонимии); в-седьмых, сохраняющаяся неясность относительно допустимых пределов семантического стеснения слова в связи с выполнением разного рода внешних по отношению к словарю установок, таких как его целевая ориентация, учет особенностей определенных категорий пользователей и т.п. То, как подобные обстоятельства отражаются на лексикографической практике, можно показать на примере разработки семантической структуры слова *гитара*. Практически во всех больших объяснительных словарях русского языка его семантическая структура характеризуется как элементарная, т.е. состоящая из одного значения. В [18] оно определяется так: 'струнный щипковый музыкальный инструмент с корпусом-резонатором в форме восьмерки и с длинным грифом'. Это благостное единодушие нарушает только [20], в котором отмечается также опознанное еще в [17]

значение 'звучание такого инструмента'. В подготовленном в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина «Всеохватном объяснительном словаре: Лексическое ядро русского языка» семантическая структура слова *гитара* состоит из шести значений, которые реализуются в таких словосочетаниях и предложениях, как *купить гитару; петь под гитару; серенада для гитары; Когда-то он давал мне уроки гитары; По понедельникам я занят: хожу на гитару; У нас в оркестре две гитары.*

В свое время я уже имел возможность высказать свое мнение по поводу некоторых существенных вопросов лексикографирования многозначности [7]. В той давней работе речь среди прочего шла о разных режимах отражения лексической неоднозначности в словаре (режиме воссоздания семантической структуры слова на основе самостоятельно сформированного корпуса диагностирующих контекстов и режиме ее построения на основе целесообразного использования данных других словарей)¹⁰; о способах опознания разных значений слова; о необходи-

мости использования группового рассмотрения слов, позволяющего свести к минимуму произвольность в установлении семантической структуры соотносительных в содержательном отношении слов¹¹; о необходимости создания системы правил, позволяющих добиться существенного сокращения немотивированных решений в части словарного отражения многозначности; об интерпретации омонимии, возникающей в результате распада полисемии; о преимуществах ступенчатой системы нумерации значений, позволяющей сообщить описанию семантической структуры необходимую содержательную связанность и объемность и др. Поэтому, не возвращаясь к рассмотрению перечисленных проблем, коснусь некоторых других аспектов обсуждаемой темы.

Прежде всего, необходимо отметить то, что исследуемое явление реально описывается в объяснительных словарях не как некоторое семейство связанных между собой семантических отдельных — значений, а как определенным образом упорядоченная совокупность двусторонних языковых единиц — лексико-семантических вариантов, имеющих и форму, и значение, т. е. как эпидигматическое гнездо. Об этом свидетельствует характер сопоставляемых таким вариантам сведений, которые относятся как к плану содержания, так и к плану выражения. То обстоятельство, что во многих случаях грамматические, орфоэпические, стилистические и некоторые другие характеристики даются не при

¹⁰ В частности, в первом из указанных режимов соответствующая лексикографическая процедура включает в себя последовательное выполнение следующих основных операций: а) формирование показательной совокупности текстовых извлечений, ориентированных на рассматриваемое слово (словосочетаний, предложений, диалогических единств), т. е. сильных относительно этого слова диагностических контекстов; б) исключение из этой совокупности контекстов, в которых вместо рассматриваемого слова употребляется его «истинный» омоним; в) исключение контекстов, в которых исследуемое слово выступает в качестве компонента фразеологической единицы или расчлененной лексической единицы терминологического характера; г) выделение в отдельную группу контекстов, в которых исследуемое слово употреблено в транспонированном значении (функциональная омонимия); д) распределение оставшихся контекстов по группам, в каждой из которых исследуемое слово употреблено, по мнению лексикографа, в одном и том же значении; е) формирование «скелета» семантической структуры с использованием одного из трех основных принципов упорядочения значений — исторического, логического, прагматического; ж) оформление семантической структуры с использованием определенной системы лексикографических средств, например, с помощью ступенчатой системы нумерации значений, которая позволяет учитывать как тип мотивированности производных значений, так и тип многозначности (последовательная, параллельная, последовательно-параллельная, иная).

¹¹ О том, к чему приводит невыполнение этого требования применительно к разработке семантической структуры близких в тематическом отношении слов, можно судить по следующим не требующим комментария словарным статьям в [15]: *навага* <...>. Морская промысловая рыба сем. тресковых; *сайра* <...>. Тихоокеанская промысловая рыба сем. макреленуковых. *Лов сайры*. // Кушанье из этой рыбы. *Консервы из сайры*. *Бутерброд с сайрой*; *сиг* <...>. Северная пресноводная промысловая рыба сем. лососевых. *Ладожский с. Вялить сига*. // только ед. Мясо этой рыбы. *Конечный с. Бутерброд с сигом*; *форель* <...>. Небольшая рыба сем. лососей, обитающая в горных речках, ручьях и озерах. *Речная ф. Озерная ф.* // Мясо такой рыбы, употребляемое в пищу. *Звать на ф. Жареная ф.; хек* <...>. Морская промысловая рыба сем. тресковых. *Лов хека*. *Серебристый х.* // только ед. Мясо такой рыбы, употребляемое в пищу; кушанье, приготовленное из нее. *Суп из хека*. *Жареный х.* *Х. под маринадом.*

каждом отдельном лексико-семантическом варианте, а приводятся один раз в верхней зоне словарной статьи, является не более чем техническим приемом, позволяющим сократить физический объем словарной статьи посредством «выноса за скобки» дублирующейся информации. Условность и технический характер этого приема становятся очевидными, как только мы встречаемся с лексико-семантическими вариантами, обладающими какими-либо особенностями морфологического, синтаксического, стилистического, орфоэпического, статистического и т.п. свойства. Здесь-то и наступает момент истины, когда устраняются всякие сомнения в том, что мы имеем дело не со значением, а именно с «потемнианским» словом, которое требует отдельной и особенной характеристики именно словных свойств. Такая характеристика приводится обычно не в верхней зоне, а непосредственно после номера соответствующего лексико-семантического варианта перед текстовым отрезком, раскрывающим лексическое значение, например, *средство*: 4. только *мн.* средства, средств. Деньги, капитал, материальные ценности. *Остаться без средств*; *старый*: 14. только *полн.* Такой, который был прежде ... *С-ое речное русло*; *стрелять*: 7. *безл., разг.* Колотъ (о коротком, остром болевом ощущении). *В ушах стреляет*¹².

Далее. Следует, вероятно, согласиться с Ю.Д. Апресяном [1] и признать недостаточно обоснованным разделяемое многими лексикографами мнение (его в свое время придерживался и я), защищающее правомерность терминологического использования таких лексикологических единиц, как *оттенки значения* и *подзначение*¹³. Внимательное изучение семантических выбросов, обычно обозначаемых этими терминами, показывает, что они, строго говоря, ничем не отличаются от традиционно понимаемых лексических значений (особенно, если, вслед за В.В. Виноградовым [4: 10], за основной компонент последних принимать «предметно-вещественное содержание слова»). Сказанное позволяет рассматривать любые видоизменения сло-

ва как его лексико-семантические варианты разной зрелости, функциональной активности и содержательной актуальности. Практическая полезность такого подхода состоит в том, что он заставляет лексикографа всякое такое видоизменение исследовать по всему спектру лингвистических свойств слова, назначенных для обнаружения в данном словаре.

Одним из условий успешного лексикографирования лексической многозначности является ясное представление об основных способах ее предъявления в словаре. Применительно к традиционным объяснительным словарям таких способов 3, а именно: раздельное предъявление значений, совмещенное предъявление определенных значений и обобщенное предъявление двух или более значений. Раздельное предъявление многозначности состоит в развернутом описании каждого назначенного к отражению лексико-семантического варианта с обозначением его определенной цифрой или каким-нибудь другим принятым в словаре условным знаком (вертикальными черточками, буквенными индексами и т.п.). Совмещенное предъявление определенных лексико-семантических вариантов заключается в том, что они как бы склеиваются и даются под одним цифровым индексом. Подобное совмещение распространяется обычно либо на 2 (реже 3) очень близких лексико-семантических варианта, либо на варианты, один из которых (присоединяемый) отражает тривиальный в содержательном отношении метонимический сдвиг. Совмещенное предъявление оформляется в рамках объединенного двусоставного толкования с помощью союза *а также*, или знака точка с запятой, например, *конек*: 2. Брус, идущий по гребню кровли и скрепляющий ее скаты, а также резное украшение на конце этого бруса [первонач. в виде конской головы] [20]. Как видим, и раздельный и совмещенный способы отражения многозначности позволяют предъявить ее в явной форме. Этим они отличаются от широко применяемого в некоторых объяснительных словарях обобщенного способа. Обобщенное предъявление многозначности состоит в использовании объяснительных текстовых отрезков (толкований), которые покрывают

¹² Примеры извлечены из [15].

¹³ Доводы в пользу обратного см. [5: 535–541].

весь содержательный спектр объединяемых лексико-семантических вариантов. Такие толкования ориентированы не на приведение в известность конкретного предметно-вещественного содержания (т.е. денотата) слова, а на описание общего смысла ряда его смежных предметно-вещественных содержаний (денотатов). Конкретизация этого общего смысла может осуществляться посредством приведения речений, отражающих его денотативное разнообразие. Примером может служить первое значение глагола *сорвать* в [20]: **1.** Рывком отделить, снять, сдернуть. *Сорвать яблоко. Ветер сорвал шапку. С. крючок с двери. С. одежду с кого-н.* Обобщенный характер приведенной интерпретации многозначности становится очевидным на фоне обнаружения того же содержательного фрагмента глагола *сорвать* в [18]: **1.** Надломив, отделить от стебля, корня и т.п. *С. яблоко.* **2.** Сильным резким движением отделить, отодрать что-л. приделанное, прикрепленное. *С. дверь с петель. С. пломбу. // обычно безл.* Сильным порывом снести (о ветре, урагане и т.п.). *Палатку сорвало ветром. // Резким движением, рывком снять, сдернуть, сбросить что-л. С. шапку. С. с себя галстук.* Кажется очевидным, что из рассмотренных способов наибольшей объяснительной силой обладает раздельное предъявление многозначности, что вполне понятно. Впрочем, в эксплицитности не многим уступает ему и совмещенный способ при условии, конечно, что лексикограф не будет забывать о крайней желательности иллюстрирования всех объединяемых значений. Кроме того, в ряде ситуаций совмещенный способ представляется и более уместным (особенно в случае упомянутых выше тривиальных метонимических сдвигов, например,

кефир — ‘кисломолочный напиток из перебродившего коровьего молока, заквашенного на специальных грибках, а также сосуд с таким напитком’. *Вкусный к. стакан кефиру. Поставить к. в холодильник.*

Определенные лексико-семантические варианты многозначного слова могут предъявляться в словарной статье свернуто, так сказать, намеком. Подобное предъявление оформляется посредством приведения речения, содержащего заголовочное слово, и отдельной семантизации такого речения с указанием на то, что упомянутое слово употреблено здесь в переносном значении. Свернутый способ предъявления отдельных значений практикуется, например, во всех словарях С.И. Ожегова, а также в [19], представляющем собой снабженный этимологическими справками «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [16], ср. *эхо*: **1.** Отражение звука от предметов, отзвук. *Лесное э. Э. минувших событий* (перен.: отголосок). О том, что семантизированное речение выявляет у слова *эхо* отдельное значение, устанавливается, помимо указания в круглых скобках, с помощью других объяснительных словарей. Например, в [15] соответствующая словарная статья имеет следующий вид: *эхо*: **1.** Отражение звука от удаленных предметов, воспринимаемое ухом или прибором. *Лесное, горное э. <...>.* **2.** Отзвук, отклик чего-л. *Эхо минувших событий.* Разумеется, выбор того или иного способа предъявления неоднозначности заголовочных слов в конкретном словаре в полной мере зависит от типа этого словаря, его целевых установок и положенной в его основание теоретической концепции. Важно только, чтобы выбор делался осознанно и с постоянным учетом интересов предполагаемых пользователей.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Значение и оттенок значения // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1974. Т. 33. № 4.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
3. Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
4. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. № 5.
5. Горбачевич К.С., Сороколетов Ф.П. Значение и оттенок в лексикографической практике // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34. № 6.
6. Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка. Киев, 1993.
7. Морковкин В.В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы ее лексикографической интерпретации //

- Русский язык. Проблемы художественной речи, лексикологии и лексикографии. Виноградовские чтения. IX–X / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1981.
8. Морковкин В.В. О единицах лексической системы // Лексика и лексикография / Отв. ред. Ю.Г. Коротких, А.М. Шахнарович. М., 1992.
 9. Морковкин В.В. Слово как номинативная и коммуникативная единица // Probleme der sprachlichen Nomination. Leipzig, 1982.
 10. Морковкин В.В. Язык, мышление и сознание // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997.
 11. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
 12. Степанова Г.В., Шрам А.Н. Введение в семантику русского языка. Калининград, 1980.
 13. Шмелев Д.Н. Введение // Способы номинации в современном русском языке / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. М., 1982.
 14. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
 15. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.
 16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
 17. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998. Т. II.
 18. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
 19. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 1–4.
 20. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007.

V. V. Morkovkin

ABOUT LEXICAL POLYSEMY

Polysemy, polysemous word, semantic structure of a word, semantic derivation, semantic word-building formant, derivational word-building formant, epidigmatic word-family.

This paper deals with the problems of lexical polysemy in theoretical and dictionary aspects (origin of polysemy; polysemy as a result of semantic derivation; polysemy in semasiological and onomasiological perspectives; difficulties of dictionary treatment of polysemy; methods of the division inside a dictionary entry of distinct senses of a word, etc.).

**РУССКИЙ ЯЗЫК
ЗА РУБЕЖОМ**
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

КАК ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ

- в издательстве
тел.: +7 (495) 514-21-06, (499) 267-40-10
e-mail: podpiska@vedomost.ru
- на сайте журнала www.russianedu.ru,
распечатав счет и оплатив его
- по каталогу «Пресса России» – индекс 24780
«Роспечать» – индекс 18382
- в подписном агентстве «Информнаука»
тел.: +7 (495) 787-38-73
e-mail: Alfimov@viniti.ru, сайт www.informnauka.com

Присоединяйтесь!

ПОДПИСКА